

ТАЙНА ДОМА У ОЗЕРА

Елена Трутаева

Тайна дома у озера

<https://litres.ru/74450954>

SelfPub; 2026

Аннотация

Туман ложится на озеро плотным саваном, будто прячет то, что не должно быть увидено. В его белёсой пелене едва проступает силуэт дома — тяжёлого, угрюмого, словно он сам по себе — сторож чужих секретов. Кэт возвращается туда, где детство оборвалось в один миг: отец тогда вытолкнул её за порог, почти вытолкнул из собственной жизни, будто спасая от чего-то, что было страшнее крика в темноте. Теперь отца нет, а дом стоит — и будто ждал её. Каждый скрип половицы здесь звучит как предупреждение. В городе шепчутся о пятой смерти...

Содержание

Возвращение к истокам.	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Трутаева

Тайна дома у озера

Возвращение к истокам.

Из-за стекла машины мелькали серые дороги. Ноябрь размыл мир до цвета старого свинца — поля, голые деревья, редкие дома с тёмными окнами. Я смотрела и не видела, потому что внутри меня шёл свой фильм, и он был страшнее любого ноябрьского пейзажа.

Мне было двадцать, и я возвращалась домой.

Дом — это слишком мягкое слово для того, что ждало меня на холме у озера. Особняк Гринов стоял над водой, как выброшенный на берег корабль: огромный, тёмный, с пустыми окнами, в которых отражалось низкое небо. Доски веранды потемнели от дождей, плущ разросся так, что почти скрыл фасад, а некогда белые ставни висели на одном гвозде. Но было в нём что-то, что не отпускало взгляд — какая-то тяжёлая, тягучая красота, от которой трудно отвести глаза. Красота зверя, притворившегося спящим.

Я заглушила двигатель и минуту просто сидела, положив руки на руль. Восемь лет. Восемь лет я не была здесь — с тех пор, как отец отправил меня в школу-интернат за триста миль. Я тогда решила, что он просто хочет избавиться

от меня. Потом были редкие звонки, ещё более редкие письма, вечное «у меня всё хорошо, папа», которым заканчивался любой разговор. А теперь он умер — сердечный приступ, один, в этом самом доме, — и всё, что он оставил мне, было вот это здание, озеро и папка с документами, которую адвокат передал мне вместе с ключами.

Ещё он оставил вопрос. В записке, приложенной к завещанию, одной строкой, написанной дрожащей рукой: «Не возвращайся. Но если вернёшься — найди дневник в кабинете. Всё началось с мамы».

С мамы. Которая исчезла, когда мне было двенадцать. Которую нашли через два дня на берегу озера — живую, но не способную говорить, с глазами, в которых не осталось ничего, кроме ужаса. Которая умерла в больнице три месяца спустя, и отец даже не позволил мне приехать на похороны.

Я вышла из машины. Воздух пах озёрной водой и жжёными листьями — запах детства, который я узнавала и боялась одновременно. Дверь была не заперта.

Внутри меня ждал сюрприз. Снаружи дом выглядел заброшенным, но в прихожей горел свет, пол был вымыт, а со стороны кухни тянуло запахом чего-то мясного, тёплого, домашнего — настолько живого, что после мёртвого фасада это ударило под дых.

— Кэти, детка, неужели это ты! — голос раздался прежде, чем я успела опомниться.

Из кухни вылетела Молли. Она не изменилась — или по-

что не изменилась. Всё та же мягкая, тёплая полнота, те же круги под глазами от вечной готовки и уборки, тот же фартук, который она привычно одёргивала, прежде чем обнять меня так крепко, что я на секунду забыла, как дышать. Молли работала в доме Гринов с тех пор, как я себя помнила — служанкой, кухаркой, а потом, когда мама исчезла, кем-то средним между экономкой и тётей. Ей было лет пятьдесят, но двигалась она с такой суетливой энергией, будто время не имело над ней власти.

— Как ты выросла, как похорошела! — Она отстранилась, оглядела меня и тут же смахнула слезу тыльной стороной ладони. — Ой, старая дурёха, ты ведь, наверное, устала как собака. Дорога-то неблизкая. Я подготовила твою спальню, но сначала ты должна поесть. О, Кэти... как же я рада, что ты вернулась.

Она выпалила всё это на одном дыхании и обернулась к двери:

— Салли! Салли, иди сюда, помоги накрыть!

Салли появилась не сразу — видимо, ждала в коридоре. Молодая девушка, лет двадцати, не больше, с тёмными, почти чёрными волосами, собранными в тугий узел. Лицо тонкое, скуластое, с резкой линией челюсти — не то чтобы красивое, но запоминающееся: от такого лица не отмахнёшься. Она посмотрела на меня с любопытством, но без улыбки, и в глазах её мелькнуло что-то, что я не смогла определить — то ли настороженность, то ли сочувствие.

— Салли помогает мне по хозяйству последний год, — объяснила Молли, перехватив мой взгляд. — Девочка из городка, из семьи Гарольдов.

Я кивнула. Надо же мне с кем-то общаться здесь — если я задержусь, что, судя по записке отца, неизбежно.

Пока они накрывали на стол, я прошла в гостиную. В камине догорали поленья — кто-то разжёл огонь до моего приезда. Над камином висели семейные фотографии, и я не сразу решилась подойти. Вот мама — молодая, смеющаяся, с чёрным бантом в волосах. Вот я, лет шести, на отцовских плечах, на фоне озера. А вот последняя — мы втроём: папа, мама и я, и на лице у меня выражение, которое я теперь не могу разобрать: то ли счастье, то ли прощание.

Мне стало не по себе. Я вспомнила, как злилась на отца все эти годы. Как думала: он просто хочет сплавить меня подальше. Как не отвечала на его письма по неделе, а потом отвечала сухо, односложно. Как же я была глупа. Как же я была зла — на единственного человека, который, может быть, пытался меня спасти.

Размышления оборвал грохот входной двери.

В гостиную влетел мужчина — высокий, лет двадцати пяти, в расстёгнутой куртке, с лицом, на котором читалась плохо скрытая паника. Русые волосы, зелёные глаза, резкие скулы — красивое, слишком красивое, слишком уверенное даже на бегу лицо. Он не заметил меня — или не счёл нужным заметить.

— Молли, Салли, в городе опять беда! — Он ткнул в дверной проём. — Уже пятая, слышите, пятая смерть за полтора месяца! Люди в панике, никто нич...

Он замолчал, увидев меня. Взгляд скользнул по лицу — и в нём мелькнуло что-то странное: не просто удивление, а тень тревоги, будто он меня узнал.

— Молли, — он проигнорировал меня, будто я мебель, — тут призрак молодой и очень бледной девушки. Не знаешь, чей?

Призрак. Он сказал это легко, обыденно, как спросил бы дорогу. Будто призраки тут — дело привычное.

Молли вышла из кухни, вытирая руки. Подошла к нему вплотную и что-то зашептала на ухо — я уловила лишь «сегодня» и «Кэти». Он переменился в лице, как будто его окатили холодной водой.

— Простите, мисс, — он опустил взгляд, — я не знал, что вы приедете именно сегодня.

И направился к выходу.

— Пойдите! — я шагнула следом. — Я хочу знать ваше имя.

Он остановился в дверях, обернулся. Уголок губ поднялся — не улыбка, скорее гримаса, за которой прячется что-то, чего я пока не вижу.

— Это вы ещё узнаете, — сказал он.

И ушёл.

Я стояла в пустой гостиной и слушала, как затихают его

шаги по гравии. За окном темнело. Озеро внизу поблёскивало, как чёрное стекло. И где-то в глубине дома — может, в кабинете отца, может, в стенах, которые слышали больше, чем должны, — что-то ждало.

Я пришла сюда за ответами. Что ж, посмотрим, какие вопросы задаст мне дом.

Глава 2

После ужина я поднялась к себе и упала на кровать. Мысли не давали мне покоя. Моя фантазия рисовала жуткие картины смертей, о которых мне довелось услышать, и я решила, что во что бы то ни стало расспрошу незваного гостя о том, что же происходит в этом страшном месте. На этом всё оборвалось, и я заснула.

Не знаю, сколько спала, но когда проснулась, солнце уже вовсю светило в окно. Я спустилась вниз и сразу увидела его. Тот самый мужчина — он о чём-то нервно спорил с Молли. Я остановилась у лестницы, не входя в столовую, и прислушалась.

— Ты не должен был говорить об этом при ней! — Молли почти шипела. — Ей не стоит пытаться докопаться до сути, ты что, не помнишь, к чему это привело мистера и миссис Грин! Она ещё слишком юна, чтобы погибнуть из-за всех этих тайн!

Я замерла. Они говорили обо мне. О маме. Об отце. И о том, что меня может ждать та же судьба, если я начну задавать вопросы. Страх — холодный, тягучий — поднялся откуда-то из живота и растёкся по телу. Но вместе со страхом пришло другое: злость. Тупая, тяжёлая злость на то, что все вокруг что-то знают и молчат. Что отец знал и молчал. Что Молли знает и молчит. Что этот незнакомец с зелёными гла-

зами знает — и тоже предпочитает держать рот на замке.

Я тихо вернулась в свою комнату. Постояла у окна, глядя на озеро — оно блестело под утренним светом, мирное, безмятежное, будто в нём не тонули женщины. Мне нужно поговорить с этим парнем. Но просто так спускаться было глупо, нужен был повод. Я переоделась, причесалась и спустилась снова, на этот раз нарочно громко шагая.

Молли тут же бросилась ко мне и предложила завтрак.

— Не хотели бы вы присоединиться к нам, сэр? — обратилась я к мужчине, появившемуся из-за двери столовой. Сначала он отнекивался, ссылаясь на занятость, но после сурового взгляда Молли всё же согласился.

За столом никто не решался разорвать гнетущее молчание. Я ждала. Салли, видимо, тоже — она сидела, уткнувшись взглядом в тарелку, и только барабанила пальцами по краю стола, нервно, едва заметно.

— Как обстоят дела в городе, Эйб? Как отец? — Салли попыталась улыбнуться, но Молли нахмурилась и легонько пнула её ногой под столом.

— О, всё хорошо, отец как и всегда занят работой, сейчас её навалом. — Он отхлебнул кофе. — Ещё он просил приглядеть за вами. — На этих словах он повернулся ко мне и подмигнул.

— Это отличная идея! — воскликнула Молли, будто только этого и ждала. — Думаю, ты мог бы занять гостевую. С вашего позволения, мисс? — Обращение было адресовано

мне.

— Да-да, отлично, — кивнула я. — Только вот хотелось бы для начала узнать, кто вы, мистер...?

— Мистер Росс, — он чуть склонил голову, и в его голосе проскользнула та же самоуверенная нотка, что и вчера. — Абрахам Росс. Сын шерифа. Двадцать пять лет, скорпион.

Он ухмыльнулся, глядя мне в глаза, явно зная, что он хорош. А он был чертовски хорош — высокий, прекрасно сложенный, русые волосы, мягкие губы. Но больше всего мне понравились его глаза — зелёные, яркие, как два изумруда, и в них, под игривостью, пряталось что-то серьёзное, что он пока не показывал. Я видела это — тень, которая мелькала, когда он думал, что никто не смотрит. Усталость, которая бывает у людей, слишком долго носивших чужой страх.

Остаток завтрака мы провели за будничной беседой. Салли рассказывала о снах, которые её пугают, а Молли смеялась и называла это чушью. Было тепло, и, кажется, я начала вспоминать, как это — завтракать с семьёй. Пусть не своей, пусть чужой, но за этим столом звучали живые голоса, и кто-то подкладывал мне еду, и кто-то смеялся, и на секунду можно было забыть, что за окном — озеро, на дне которого лежат тайны.

Потом, уже после еды, когда Салли ушла на кухню, а Молли убирала посуду, я поймала себя на другом воспоминании. Шёл дождь, мама с папой были в отъезде по делам. Я бродила по библиотеке, ища какой-нибудь интересный рассказ.

Мне было шесть...

Тогда библиотека казалась мне целым миром — тёплым, пахнущим кожей и типографской краской, с камином, в котором потрескивали поленья. Я забралась в кресло с ногами, достала книгу с полки — не помню какую — и читала, пока не стемнело. Когда вернулись родители, мама нашла меня спящей прямо в кресле, с книгой на груди. Она подняла меня на руки, и я помню — сквозь сон — запах её духов, лаванды и чего-то ещё, чего я не могу вспомнить, сколько ни стараюсь.

Я потрянула головой. Не сейчас. Воспоминания — роскошь, которую я не могла себе позволить. Не здесь, не сейчас.

Глава 3

Сон прервал стук в дверь.

— Кэти? Мисс Кэт, можно? — Салли не решалась от-крыть.

— Да, конечно, — я встала, чуть поправив волосы.

— О, вы спали, извините, — она начала извиняться, будто сделала что-то запретное.

— Всё в порядке. И давай на «ты», просто Кэти или Кэт.

— Я улыбнулась, и девушка последовала моему примеру.

— Хотела предложить тебе прогуляться по саду. — Она слегка опустила глаза. Ей было так же одиноко в этом доме, как и мне — без подруг, без общения. Молли — милая, но она из другого поколения, с ней не поговоришь о снах, которые пугают, о чувствах, которые не находят слов. А Эйб — Эйб мужчина, и к тому же сын шерифа, с ним разговоры быстро уходят в дела и факты. Салли была одинока, и я это узнавала — узнавала себя в ней, в её опущенных глазах, в том, как она теребила край рукава, когда не знала, куда деть руки.

— С удовольствием, только переоденусь. Как погода?

— Чудесная, достаточно тепло, лето ещё радует.

Выйдя из дома, мы пошли в сад. Хотя с виду дом был запущен, сад цвёл: розы, лилии, которые я так любила, хосты, зелёные ограды. Было видно, что кто-то занимается всем с

особой любовью — каждый куст подстрижен, каждая дорожка расчищена, а лилии — белые, восковые, с тяжёлым сладким запахом — росли вдоль всей восточной стены, как будто кто-то специально посадил их там, где утреннее солнце греет сильнее всего.

— Как тут красиво! Кто занимается садом?

— Я, — из-за дерева показался мужчина. — Мисс Кэт, рад видеть вас. А вы подросли. — Он отвесил шуточный поклон, размахивая кепкой. Видя это, нельзя было сдержать улыбки.

— Просто Кэт, а вы?..

— Саймон. Садовник. Вы можете помнить меня — когда вас отправили, мне было четырнадцать. — Снова улыбнулся.

Саймон. Я смутно помнила мальчика, который каждое утро приносил мне ягоды и белые лилии. Маленький, толстый, с вихром на макушке и вечной улыбкой, от которой щёки ямочились. Тот мальчишка никак не вязался с мужчиной, которого я увидела. Высокий, голубоглазый брюнет, крепкий, с правильными чертами лица и спокойной, уверенной манерой, которая не совсем подходила садовнику. Он двигался неторопливо, экономно, как человек, привыкший к одиночеству и к тишине. Руки — большие, загрубелые, но ухоженные, без единой царапины, что странно для садовника. Я поймала себя на этой мысли и тут же отбросила — у каждого свои привычки.

— Ты ведь помнишь лилии? — спросил он, и в голосе про-

звучала нотка, которую я не смогла определить — то ли ностальгия, то ли что-то ещё. — Я каждый год сажал их. Знал, что ты вернёшься.

Это прозвучало просто, буднично, но что-то в этих словах заставило меня замереть. «Знал, что вернёшься». Не «надеялся» — «знал». Как будто это было решено давным-давно, без моего участия.

Мы дошли до озера. Берег, на котором располагался особняк, был пологим, заросшим камышом. Вода — тёмная, почти чёрная у берега, светлела к центру, и в ней отражалось небо, чистое, высокое, летнее. Красиво. Но красота была неправильной — слишком тихой, слишком застывшей, как у человека, который улыбается, чтобы скрыть, что ему больно.

Мы присели у воды, и я решила спросить о том, что тревожило меня с самого приезда.

Салли закусила губу. Было видно, что она не хочет говорить об этом. Она подобрала камешек и бросила его в воду — круги пошли, расходясь всё шире, и я смотрела, как они исчезают, будто их и не было.

— Если я скажу тебе, Молли убьёт меня, — она чуть помолчала. — К чёрту, всё равно узнаешь. В городе снова появился маньяк. Он похищает и «избавляет» женщин от их «жалкого существования» — так он называет свои убийства. — Она замолчала, посмотрела на озеро, потом добавила тише: — По словам шерифа, каждые десять лет он убивает десять женщин, которые, по его мнению, не хотят жить. Девя-

тую оставляет живой — без пальца, но с посланием. А десятую...

Она не договорила. Не нужно было. Я вспомнила записи отца, которые ещё не видела, но уже чувствовала — они ждали меня в кабинете, в пыли, в тишине, как письмо, которое никто не открыл.

Мы услышали шорох листвы, и к нам вышел Эйб.

— Дамы, что вы тут делаете совсем одни? — Он улыбнулся, но улыбка была натянутой, и глаза — те самые зелёные глаза — скользнули по озеру с выражением, которое я уже начинала узнавать: тревога, спрятанная за беспечностью.

— Наслаждаемся погодой, — ответила Салли.

— Молли рвёт и мечет, время обеда. Пойдёмте скорее. — Мы встали и поспешили вернуться в дом. По дороге болтая о том, чтобы съездить в город и прикупить вещей.

Пока Салли помогала Молли на кухне, мы с Эйбом обсуждали мою поездку в город. Он воспринял её в штыки и настаивал на своём присутствии.

— Кэт, послушай меня, это не совсем безопасно, особенно сейчас. Ты же не хочешь заставлять Молли волноваться за тебя. Тем более, я отлично знаю город и люблю ходить по магазинам с прелестными девушками. — Он хитро прищурился, а я закатила глаза.

— Я всё понимаю, но хотелось бы побыть в менее контролируемой обстановке. — Он не ответил, и я поняла, что спорить с ним не имеет ни малейшего смысла. — Хо-ро-шо, —

протянула я. — Только никаких пошлых намёков и предложений.

Он шутливо отдал честь и, наконец, выдохнул.

Закончив обед, я решила пойти в библиотеку и немного почитать. Библиотека — моя обитель. В детстве отец часто читал мне там, около камина. Ох, как давно это было. Войдя в комнату, я сразу ощутила запах книг — мне этого так не хватало. Подойдя к полкам, пробежалась пальцами по корешкам и достала один из романов, разожгла камин, села в любимое кресло и погрузилась в чтение.

Но чтение не шло. Слова скользили мимо, не задерживаясь. Я думала о том, как отец сидел в этом же кресле, в этой же комнате, и вёл свои записи. О чём он думал, когда писал про жнеца? Боялся ли он? Или уже давно перешагнул через страх и двигался вперёд по инерции, как человек, который слишком глубоко вошёл в туннель, чтобы повернуть назад?

Не знаю, сколько времени прошло, но когда я очнулась, за окном уже было темно. Спустившись вниз и услышав, что Молли накрывает на стол, я поняла, что пришла вовремя.

Остаток вечера прошёл спокойно. Эйб шутил, Молли и Салли одёргивали его, мы поужинали и разошлись. Было почти нормально — почти как в семье, в которой никто не умер и никто не вернулся в дом, который лучше было бы сжечь. Приняв душ и подготовив одежду, я легла в кровать и только собралась выключить ночник, как в дверь постучали.

Глава 4

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге стоял Эйб, и было заметно, что его что-то тревожит. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и смотрел не на меня, а куда-то в сторону — на оконную раму, на занавеску, на что угодно, только не мне в глаза.

— Не спишь? — Он слегка улыбнулся, но улыбка вышла натянутой. — Я присяду?

— Конечно. Что-то случилось?

— Да нет, просто переживаю. Салли же тебе всё рассказывала, так что, думаю, нет смысла скрывать, что меня волнует. — Да, я понимала его. Меня тоже волновало происходящее в городе. Но я чувствовала, что за этим «просто переживаю» стоит что-то большее — что-то, что он не мог или не хотел формулировать.

— Я понимаю. Не переживай, твой отец найдёт убийцу, — попыталась его подбодрить, но у меня это всегда выходило отвратительно. Слова прозвучали пусто — как монета, брошенная в колодец: упала, и ничего не отозвалось.

— Не думаю. Ведь это происходит всегда, всё повторяется. — Он опустил голову, и я увидела, как мышцы на его челюсти дрогнули — он сжимал зубы. — Моя одноклассница. Она пропала сегодня. Весь город на ушах, её мать вне себя от горя. Отец делает всё, и даже больше, но ничего. Никаких

зацепок.

Он помолчал. Потом заговорил тише, будто признаваясь в чём-то:

— Знаешь, что самое страшное? Я видел её вчера. Она стояла на углу, у почты, и смеялась. Живая, обычная. А сегодня — пропала. Как будто кто-то нажал кнопку и стёр.

Я подошла к нему и погладила по плечу. Его рука скользнула по моей, глаза встретились с моими. Лицо покраснело от его взгляда — он словно изучал меня, и в этом взгляде было что-то отчаянное, будто он искал подтверждение, что я — настоящая, что я никуда не исчезну.

— Эйб, тебе, кажется, пора. Нам завтра рано вставать.

— Да, извини. Ворвался посреди ночи. Прости. — Он улыбнулся, и это была другая улыбка, не та, что обычно — она меня чем-то притягивала. В ней не было ни самоуверенности, ни игры. Только тепло и что-то похожее на просьбу: не исчезай.

— Спокойной ночи. И закрой окно.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Когда он ушёл, я рухнула на кровать. За окном тихо плескалась вода — озеро дышало, ровно и мерно, как спящее существо. Я закрыла глаза и провалилась в темноту, но перед самым сном успела подумать: он сказал «закрой окно». Не «спокойной ночи» — сначала «закрой окно». Как будто за окном кто-то мог войти.

Снова странные сны... мама... где ты... мама.....

Глава 5

Утро. Как сложно вставать — сейчас бы просто лечь и ни о чём не думать. Улыбнувшись своим мыслям, я быстро встала и побежала в душ. Подготовка к поездке заняла меньше времени, чем казалось, и в девять тридцать мы выехали из поместья.

Салли всю дорогу молчала, а Эйб, напротив, пытался шутить и развлекал нас как мог.

— Ну вот представьте, как хорошо, что мы едем вместе. Вам сразу и носильщик, и мужской взгляд. — Его улыбка, его взгляд — он снова смотрел на меня.

— Думаю, что ты прав. Кроме мужского взгляда. — Я показала ему язык и отвернулась к окну. Дорога убаюкивала и успокаивала. За окном мелькали поля, фермы, редкие дома с вывесками, которые я не помнила или не знала. Места, где я выросла и которые перестала узнавать. Городок изменился за восемь лет — новые витрины, новое кафе на углу, новый полицейский участок, больше и солиднее старого. Но запах остался прежним — хлеб, река, нагретая солнцем пыль.

Приехав в город и обойдя несколько магазинов, мы решили перекусить и зашли в кафе. «У Бэтти» было шумно — до нашего появления. К Эйбу сразу подбежало несколько человек, и я увидела, как изменилось его лицо: улыбка исчезла, плечи выпрямились, и весь он как будто собрался, перешёл в

какой-то другой режим — не парень на прогулке, а помощник шерифа.

— Парнишка, ты в курсе? Твой отец тебе сказал?

— В курсе чего, Бэн? Только не говори...

— Да в том-то и дело, что нет. Её не нашли. Только палец.

Палец и записка. Разве он тебе не говорил?

Я увидела, как Эйб побледнел. Он стоял, и его руки — руки, которые минуту назад шутливо помогали мне нести пакет — сжались в кулаки. Палец. Он отрезал ей палец. И прислал с запиской.

— Нет, но...

— Вот так... Теперь он ещё и послания любовные шерифу оставляет. — Хмыкнул молодой парень, сидящий за стойкой. — Вот тебе и заголовок на первую полосу. — Он повернулся.

— Привет, Терри, — бросил Эйб через плечо. — Не особо рад тебя видеть.

— Привет, Эйб, Салли. Прекрасная незнакомка. — Он прыгнул, схватил мою руку и поднёс к губам. — Я Терри Уильямс, издатель местной газеты. А вы?..

— Кэт Грин.

— О, та самая Кэт, дочь Кристофера Грина? — Он расплылся в улыбке, и я заметила, как его глаза — серые, водянистые, с выражением человека, который вычисляет ценность всего, на что смотрит — скользнули по мне оценивающе. Он уже прикидывал, какой заголовок выйдет из моего

имени. — Могу я угостить вас кофе?

— Не думаю, что это хорошая идея, — Эйб притянул меня к себе. — Мы спешим.

— Как жаль. Нет, правда, очень жаль. Мне бы хотелось пообщаться с вами, но, видимо, в другой раз. — На выходе он бросил: — Эйб, спроси у отца про содержание записки. Думаю, вам всем покажется это занятным.

Он ушёл, и от него остался запах дешёвого одеколона и ощущение, что он выкачал из комнаты воздух. Странная мысль — но после разговора с Терри у меня всегда было чувство, будто меня ощупали через стекло.

Пока мы находились в кафе, пошёл дождь. Выйдя, мы решили, что пойдём к отцу Эйба через парк — так будет быстрее.

Все молчали, и только дождь пел свою песню. Капли били по листьям, по асфальту, по нашим головам, и в этом стуке было что-то монотонное, гипнотическое, как метроном. Салли шла между нами, прижимая к груди сумку, и я видела, как её губы шевелятся — она считала шаги. Или молилась. Одно из двух.

Вдруг Эйб остановился и прислушался.

— Вы слышите это?

— Что-то, кроме дождя? — спросила Салли, тщетно пытаясь прикрыть голову сумочкой.

— Нет, я о другом. Кто-то скулит. Быстрее. — Сказав это, он бросился в самые заросли — тёмные, извилистые, какие

бывают в тех уголках парка, куда меньше всего суются.

Догнав его, Салли вскрикнула, а я остолбенела. Бледное тело, изувеченное, всё в крови и ссадинах, лежало около ствола огромного дуба. Девушка — молодая, лет двадцати пяти — лежала на боку, свернувшись, как эмбрион. Одежда разорвана, волосы слиплись от крови и грязи. Руки — синие, с чёрными кровоподтёками — обхватывали колени, и я увидела, что на правой руке не хватало пальца. Срез был чистый, ровный — не оторван, а отрезан.

— Она, это она! — прокричал Бэн. — Живая! Салли, Кэт, позовите кого-нибудь на помощь, она дышит! — Он накрыл её своей курткой, не решаясь трогать, чтобы не навредить. — Анна... она жива. Миссис Дорс будет вне себя от счастья...

Анна Дорс. Девятая жертва. Та, которой он оставил жизнь.

Неподалёку от девушки валялся небрежно оторванный кусок бумаги. Я подошла, чтобы разглядеть его. Там была надпись: «С моей болезнью можно бороться, но нужно ли?» Дальше шли какие-то завитки и рисунки, похожие на символы. Рука, которая писала это, была спокойной — буквы ровные, уверенные, без дрожи. Человек, который резал живых женщин, писал записки аккуратно, как школьник, выполняющий чистописание.

Салли вернулась быстро — вместе с шерифом и медиками. Весь вечер мы провели в участке, а затем возвратились в особняк. По дороге никто не произнёс ни слова, и тишина

в машине была тяжелее любого разговора.

Глава 6

Несколько дней прошли как в тумане. Мы узнали у мистера Росса про записку. Её содержание напоминало бред сумасшедшего:

«Озеро, моё сердце — озеро, днём отражает свет, а в ночи — тьму. Как бы хотелось, чтобы озеро забрало меня... но, увы. Спасите меня... спасите меня... спасите меня...»

Она была написана на том же листе, что был найден около девушки. Записка больше напоминала игру, в которую мы с родителями играли в детстве: папа пишет слово, мама продолжает, затем я — и по новой. Каждое слово по написанию отличалось от предыдущего. Но если в детстве это было весело, то теперь — страшно. Кто-то писал эти слова разными руками, или в разное время, или разными людьми. Как послание, которое составляли по очереди, передавая лист по кругу.

Миссис Дорс была в ужасном состоянии. Амнезия осложняла следствие. Сломанные рёбра, раздробленные коленные чашечки, на груди вырезано слово «прощение», отсутствовал палец. Она, как старая кукла, была выброшена кем-то в отдалении — чтобы полностью познать боль, чтобы вымолить прощение. Шериф сказал, что она не помнит ничего — ни лица, ни голоса, ни места. Только темноту и боль. И ещё — запах. Что-то сладковатое, цветочное. Она не смогла объ-

яснить, и шериф списал это на шок.

Я решила зайти в кабинет отца. Всё, каждая деталь, напоминала мне о нём. С момента моего отъезда мало что изменилось — только не хватало запаха сигар, музыки и его смеха, а всё вокруг было покрыто толстым слоем пыли. Давно сюда никто не заходил. Я провела пальцем по полке — пыль легла серой полосой на кожу пальцев, как тень, которая осела и осталась.

Подойдя к столу, я поняла, что ещё меня смутило: он был покрыт бумагами, разного рода заметками. Не просто лежал — был завален. Отец работал здесь до самого конца. Взяв в руки несколько первых попавшихся и прочтя, я поняла, чем занимался папа, пока меня не было:

«Все восемь жертв найдены у озера, раз в десять дней. Все — со стороны города. Всегда одна и та же поза: сидя, одна рука в воде, вторая на животе. На спине вырезано: "*Sit aqua, purgare me, et dimitte me esse recompensed secundum iniquitates mea. Corpus meum est amplius in templo suo. Ego sum munda nunc*" — что означает: "Да очистит меня вода, да воздастся мне по прегрешениям моим. Моё тело больше не его храм. Теперь я чиста". Десятая жертва всегда в центре озера, прибита к доске, глаза открыты, а рот зашит. На груди вырезан странный символ, такой раньше изображали на могилах у ведьм, чтобы они не воскресли, и надпись: "*Non aperiam os meum, cor meum, purus sum ante vos, ego sum, ubi est lux*". Это переводится как: "Рот не открою, сердце чисто,

я пред тобою, я там, где светло"».

«Он не фанатик и не сумасшедший, как сам себя называет, и, к сожалению, он не один. Это какой-то культ, скорее всего наследственный. Он всегда ищет преемника, тогда и начинается кровавое "посвящение" в жнеца. Жнец — так я буду его называть — пытается спасти души десяти "грешниц". Он считает всех женщин грешными, низкими, и своими пытками "очищает" их и дарует прощение. А прощением считается смерть...»

Помимо этих записей была масса других, более конкретных. К примеру, я узнала, что маму нашли живой — с такими же травмами, как у Анны, практически в том же месте. Так же всегда были записки. Девятую жертву он оставлял живой, без пальца, но всегда с посланием...

Я перечитала этот абзац трижды. Мама. Девятая жертва. Без пальца, но живая. Она выжила — но не выжила. Три месяца в больнице, молча, с глазами, в которых не осталось ничего, и потом — умерла. Тело вернулось, но человек ушёл. Он убил её, просто сделал это медленно, растянул на три месяца, как человек, который вынимает занозу по миллиметру.

Я положила записи на стол и долго стояла, глядя в окно. Озеро блестело, как всегда — мирное, молчаливое, невозмутимое. Оно ничего не знало и ничего не помнило. Оно просто было — как было триста лет назад, как будет через триста. Люди приходили и уходили, резали и резались, молились и проклинали, а озеро — стояло.

— ...я не хочу идти одна, он ведь ещё не пойман, — голос Салли звучал обречённо. — Саймон сегодня свободен, пусть он сходит.

— Я понимаю, но сама знаешь, что бывает, когда он ходит за продуктами — снова привезёт что-то не то, — Молли вздохнула.

— Доброе утро! — Они обернулись. — Салли, может, мы вместе сходим, возьмём Саймона? Мне всё равно нужно в город, Эйб просил зайти в участок.

Девушка удивлённо посмотрела на меня.

— Я думала, что допрос окончен. Зачем снова трепать тебе нервы? — Я улыбнулась как можно более весело и коснулась её плеча.

— Не переживай, это по другому вопросу.

Выйдя в сад, я направилась к домику садовника. Саймон что-то чинил и напевал милую мелодию — ту самую, знакомую, которую я слышала в детстве. Он всегда напевал, когда работал, и мелодия никогда не менялась — одна и та же, спокойная, чуть печальная, как колыбельная, которую поют ребёнку, уже уснувшему.

— Привет, — услышав это, он обернулся. — Как ты?

— Кэ-э-эти, привет! — расплываясь в улыбке, протянул он. — Да так себе, сломал корзину, так что приходится возиться.

— У меня к тебе предложение. Как насчёт того, чтобы сопровождать двух юных дев в город? — Я улыбнулась.

— Хм, я бы с удовольствием. Как раз нужно попасть в одно место. Когда отправка?

— Минут через двадцать, думаю. Не напрягу?

— Ты что, я рад, что ты позвала меня. Встречаемся у выхода из дома.

«В одно место», — подумала я. Какое место? Он не уточнил, и я не спросила. Тогда это показалось неважным. Теперь — теперь я думаю об этом часто.

Озеро. Оно всегда меня пугало и завораживало — не знаю, с чем связаны эти чувства. В городе ходят про него разные слухи. Оно считается проклятым. Десять жертв, каждые десять лет, все они связаны с ним, всегда, кроме девятой. Почему именно девятая? Почему маму оставили живой? Потому что она была «чиста»? Или потому что он хотел, чтобы она помнила? Чтобы она рассказала — не словами, нет, словами она больше не могла, а молчанием, взглядом, тем, как дёргалась во сне и кричала без звука?

Я стояла у воды и смотрела на отражение. Из озера на меня смотрела девушка, очень похожая на маму. То же лицо, те же волосы, та же линия челюсти. Только глаза — глаза были мои, и в них был вопрос, на который я пока не знала ответа.

Глава 7

Город встретил нас солнечными лучами. Забросив меня в участок, Салли и Саймон отправились выполнять поручения Молли. Саймон ушёл первым, сославшись на дела, и я проводила его взглядом — высокий, спокойный, с прямой спиной, он шёл по улице, как человек, который знает, куда идёт и зачем. Люди здоровались с ним — он кивал, улыбался, но не останавливался. «В одно место», — вспомнила я и снова отмахнулась.

— О, привет, красавица, как добралась? — Эйб был, на удивление, серьёзен. — Надеюсь, Саймон к тебе не приста-вал?

— Всё хорошо. Что-то случилось?

— Нет, просто думаю, что будет дальше. — Он тряхнул головой, будто пытаясь выкинуть из головы всё, что его тре-вожило. — Кофе? Чай? Мой поцелуй? — Он засмеялся, и его смех был тёплым, но с тёмной тенью под ним — как солн-це, которое светит, но не греет.

— Кофе. И...

— Поцелуй?

— Нет уж, спасибо. Как продвигается расследование?

— Отпечатков нет, зацепок нет, свидетель в ауте, а так — шикарно. Тебя, кстати, искал один до ужаса неприятный тип.

— Снова Терри? Он меня убивает. Быть может, я встре-

чуюсь с ним?

Лицо Эйба выражало одну эмоцию — отвращение. Каждый раз, когда разговор заходил о журналисте, эта гримаса всплывала мгновенно.

— Это очень плохая идея. Он же издатель желтухи, а ты — дочь самого Грина, великого детектива, его главная сенсация.

— Но он ведь так и будет доставать всех. Не хочу постоянно думать, что он появится на пороге моего дома.

— Хорошо. Но только если ты пойдёшь со мной. Я не оставлю такую вкуснятину полудохлому шакалу на съедение.

Он позвонил Терри, и, могу поклясться, я услышала, как тот взвизгнул от восторга, который сменился небольшим негодованием, когда он узнал, что Эйб будет рядом.

Я рассказала Эйбу о том, что нашла у отца. Мы решили, что, когда вернёмся, попробуем изучить всё, что накопил мой отец, более досконально.

Сидя в кафе, мы болтали о всякой всячине. Он рассказывал смешные истории из жизни, а я смеялась. Было так легко и спокойно. Казалось, что я знаю его уже очень давно.

Мистер Уильямс зашёл и, увидев нас, заулыбался во все тридцать два.

— Добрый день. Очень рад, что вы всё же согласились встретиться. — Он протянул руку Эйбу, но тот нарочито её проигнорировал.

— Привет. Давай без церемоний. Быстро, чётко и стро-

го по делу. Понятно? — Лицо помощника шерифа было серьёзно.

— Да-да, спокойнее, Эйб, я же не съем её, — ухмыльнулся он и подмигнул мне. — Ну так что, начнём.

Включив диктофон, он начал словесную пытку. Его вопросы, боже, как я не хотела отвечать. Причины моего отъезда, отношения с семьёй и, конечно же, отец — в особенности его расследования. И, разумеется, дело об убийствах в нашем городке.

— Кэт, все знают, что твой отец потратил много лет, чтобы найти убийцу. Скажи, много ли ему удалось узнать, прежде чем случилось то, что случилось? — Его глаза — безликие, серые — никак не сочетались с улыбкой, которая сопровождала допрос.

— Я не интересовалась делами папы. Он никогда не рассказывал о своих расследованиях.

— Печально... Тогда, думаю, можно закончить. — Он встал. — Уже поздно, пойду я, тем более надо подготовить материал.

Когда он покинул кафе, я вздохнула с облегчением. После общения с ним оставалось чувство полной опустошённости — как будто меня вывернули наизнанку, вытряхнули и сложили обратно, но не все детали попали на место.

— Ты не заметила ничего странного в его вопросах? Он будто пытался узнать, знаем ли мы что-то важное... Может, я себя накручиваю, но... — Он был задумчив и серьёзен.

— Да нет. Он же журналист, ему нужна сенсация. А что может быть привлекательнее, чем информация по нашему делу? — Сказав это, я поняла, что дело уже действительно наше. Не отца, не шерифа — наше. Моё и Эйба. И отступать некуда.

Салли и Саймон ждали нас у участка. Встретившись с ними, мы отправились домой. Саймон молчал всю дорогу — что было на него не похоже. Обычно он шутил, рассказывал что-то о саде, о погоде, о каком-нибудь сорте роз, который нашёл в каталоге. Но сегодня он сидел за рулём молча, и его профиль — ровный, спокойный, с линией челюсти, которая казалась вырезанной из камня — не выражал ничего.

На следующий день весь город занимал себя чтением некролога о моём отце. А мы с Эйбом всё больше углублялись в мир «заметок мистера Грина».

Мы узнали, что убийства происходят уже триста лет. Сначала никто и не искал маньяка — всех женщин, что были убиты, считали ведьмами. Грязными существами, отдавшими дьяволу свою душу. Был некий «Cultus lacus innocentiae», культ очищения, судьи и палачи для девушек, обвинённых в ереси. Но его искоренили — всех, с семьями, линчевали на городской площади после сожжения дочери мельника, которой было четырнадцать лет и которая была прикована к постели.

Через двадцать лет после казни культа стали пропадать девушки. Каждые десять лет...

Больше никакой информации не было. Мы знали только, что скоро он снова сделает свой ход.

— Анну нашли в воскресенье, сегодня пятница. Похищений нет, значит, он отошёл от графика. Ему нужно десять дней, чтобы «очищать». Промежуток между найденной и похищенной жертвой тоже должен составлять десять дней. Не понимаю, почему десять... — Мои мысли вслух прервала Салли.

— Его поймают, я уверена, поймают, — Салли пыталась успокоить себя, или нас — было не совсем понятно.

— Конечно, поймают, конечно, — Саймон обнял её и погладил по плечу. Я поймала себя на мысли, что они были бы прекрасной парой. Его рука на её плече — большая, тёплая, уверенная. Она прижалась к нему, и я увидела, как закрыла глаза. Саймон смотрел поверх её головы, на озеро, и его лицо было спокойным — слишком спокойным для человека, в городе которого орудует маньяк.

— Отец делает всё, что в его силах, но... всё сложно. Даже анализ почерка не дал ровным счётом ничего... — Эйб посмотрел на меня. — Пройдёмся?

— Да, конечно. — Я улыбнулась. Мне хотелось оставить друзей наедине.

Мы шли молча. Дойдя до озера и присев, он заговорил.

— Десять... Иногда эта цифра означает завершение. Конечную точку, которая является одновременно и началом, точкой отправления. Цикл.

— Да, это логично. Каждые десять лет — начало, а последняя жертва — завершение. А что девятая? Он выбирает девятую... оставляя ей жизнь...

— Это число символизирует спасение. Он считает, что она чиста, значит, достойна жить. — Он откинулся на траву и прикрыл глаза. — Так устал от этого, полез в нумерологию, представляешь.

— Да уж. — Я упала рядом. — Но ты нашёл ответы на вопросы, которые не давали мне спать. Может, пропадут мешки под глазами, а то в них уже можно складывать печенье, чтобы есть бессонными ночами. — Я засмеялась, он тоже.

Пение птиц убаюкивало, а Эйб давал самое главное, что всем нам не хватало, — спокойствие. Придвинувшись ближе, я положила голову ему на грудь, он обнял меня и приклонился щекой к макушке. Я чувствовала его дыхание — ровное, размеренное. Приподнявшись на локте, я заглянула в его глаза. Мой взгляд упал на губы — как же хотелось ощутить их тепло на своих. Словно прочитав мои мысли, он обвил мою талию и поцеловал.

Эмоции захлестнули меня, я отдалась этому поцелую полностью, с каждой секундой всё больше желая большего. Его руки забрались под платье и блуждали по моему телу. Вдруг мы услышали голос Салли.

— Кэт, Эйб, Молли зовёт обедать! Да где вы!

Быстро встав и поправив одежду, мы пошли на голос. Салли посмотрела на нас и улыбнулась.

— Извините, ребят, но у Молли обед всегда по расписанию.

Вечером мне снова не спалось. Я думала об Эйбе и о том поцелуе. Воспоминания будоражили сознание. Душ не помог, и я попыталась отвлечься чтением.

Это тоже не помогло. В дверь постучали. Вдруг всё вокруг поплыло, и меня поглотила тьма...

Глава 8

*...Озеро Вениам — милое место,
Ты будешь чиста, как бога невеста
Никто не услышит и не поймает
Монстра, что смерти твоей ожидает...*

Вокруг никого. Я иду, продираясь сквозь ветки, зная, что увижу. Я знаю, он следит. Как притаившийся зверь, он ожидает, чтобы напасть... но я не сдамся. Я больше не его жертва, я — охотник.

Ветви хлещут по лицу, под ногами — мокрая земля, чавкающая, живая, будто она тоже против меня. Но я иду. Мне нужно увидеть. Мне нужно знать. Сквозь деревья проступает свет — не лунный, не солнечный, а какой-то другой, водянистый, как будто само озеро светится изнутри. И в этом свете я вижу силуэт. Он стоит у воды, спиной ко мне. Высокий. Знакомый. Я хочу окликнуть, но голос не звучит — горло сжато, как в тиски. Он оборачивается, и я вижу его лицо — но нет, это не лицо. Это маска. Белая, восковая, с двумя провалами вместо глаз. И из этих провалов течёт вода — медленно, по капле, как слёзы, которые никогда не высохнут.

Очнувшись, я поняла, что лежу в постели. Солнечные лучи пробивались сквозь плотную ткань штор, падая на кровать.

— Наконец-то, Кэт. Ты почти сутки была в отключке, — Эйб сидел возле меня. — Нельзя же так пугать нас.

— Кажется, я переутомилась. Всё в порядке.

— Нет, милая, не в порядке, — Молли заботливо поправила одеяло. — Тебе нужно больше отдыхать.

Молли стояла у двери, и в руках у неё был поднос с завтраком — тосты, чай, что-то ещё. Она смотрела на меня, и в её глазах я видела то же, что видела в разговоре с Эйбом, который подслушала утром: страх. Не за себя — за меня. За девочку, которая вернулась в дом, из которого не вышло ничего хорошего в прошлый раз.

— Мне нужно в город, — коротко сказала я и посмотрела на Эйба.

— Уже вечер. Завтра поедем, а сегодня тебе лучше отлежаться. — Он нахмурился. — Прости, что грузил тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.